

Понаехавшая

Автор:

Наринэ Абгарян

Понаехавшая

Наринэ Абгарян

Трагикомическая история одной гордой и юной девицы, приехавшей в шальные 90-е из маленькой горной республики покорять Москву.

У каждого понаехавшего своя Москва.

Моя Москва – это люди, с которыми свел меня этот безумный и прекрасный город. Они любят и оберегают меня, смыкают ладони над головой, когда идут дожди, водят по тайным тропам, о которых знают только местные, и никогда – приезжие.

Моя книга – о маленьком кусочке той, оборотной, «понаехавшей» жизни, о которой, быть может, не догадываются жители больших городов. Об очень смешном и немного горьком кусочке, благодаря которому я состоялась как понаехавшая и как москвичка.

В жизни всегда есть место подвигу. Один подвиг – решиться на эмиграцию. Второй – принять и полюбить свою новую родину такой, какая она есть, со всеми плюсами и минусами. И она тогда обязательно ответит вам взаимностью, обязательно.

Ибо не приучена оставлять пустыми протянутые ладони и сердца.

Наринэ Абгарян

Понаехавшая

Автор благодарит своих замечательных подруг, понаехавших и не очень:

Елену Тришину

Викторию Кирдий

Каринэ Учитель

Марину Карая

Наринэ Папян

Светлану Анохину

Заиру Абдуллаеву

и любимого редактора Ирину Епифанову – за всестороннюю поддержку и вообще.

Все события и имена в этой книге придуманы, за случайные совпадения автор ответственности не несет.

Если что, у автора имеется оправдательная справка из соответствующего учреждения.

Глава первая. Знакомство с Понаехавшей

Петровка – улица недлинная и достаточно бестолковая. На тротуарах свалывшимися сугробами лежит подтаявший снег – не пройти, не протолкнуться. Любой мчащийся мимо автомобиль норовит окатить с ног до головы холодной грязной жижей. Декабрь 94-го выдался слякотным и отходчивым на морозы – все, что намело ноябрем, вся мелкая и колючая снежная крупа, нещадно летящая в лицо и норовящая забиться под воротник, – все это таяло и исходило капелью, оставляя серые потеки на боках невысоких старых зданий.

Кругом царил торговый дух: от станции метро «Кузнецкий Мост» и до ЦУМа тянулись ряды из складных столиков, густо заставленных книгами, оренбургскими платками, самоварами, старыми швейными машинками, водкой, упаковками непривычно вкусной импортной жвачки «Ригли» и батончиками «Марс» и «Сникерс». Там и сям аккуратными горками высились диковинные пушистые фрукты киви и гроздь желтых, спелых бананов. Киви стоили каких-то бешеных денег, поэтому люди их брали поштучно.

– Просто попробовать, – зачем-то объясняли продавцам.

Вдоль стихийно образовавшихся торговых рядов вползшим пунктиром передвигалась высокая, тощая и носастая девица. На голове дыбилась кусачая вязаная шапка, из-под торчащего колом черного пальто струились убийственно длинные, тонкие ноги. Девица крепко прижимала к груди большую немного обтрепанную кожаную сумку со спорным логотипом «Shanel» на боку. Сумка была особенной гордостью девицы. Стоила она целых тридцать долларов, практически двухмесячную мамину зарплату, и служила хозяйке верой и правдой уже четвертый год.

– Ты, главное, не выпускай ее из рук, особенно в метро! – напутствовала мама, собирая дочь в далекую Москву. – Прижимай локтем к боку и не расслабляйся – времена темные, воры не дремлют, вырвут сумку, и останешься без денег и без документов.

Уезжать девица всячески упиралась, но родители настояли на своем, наскребли по сусекам какое-то количество денег, перевели на ереванской толкучке в валюту – получилось целых двести долларов, и снарядили дочь в Москву – за вторым высшим образованием.

– Моя девочка будет кандидатом наук! – предрекал папа.

– А может, и профессором, – улыбнулась мама. – Ты – наша гордость.

– Ну чего вы? – расплакалась дочь.

Аэропорт был забит до отказа – измученные войной и беспросветной блокадой, люди покидали родину целыми семьями. Плакали дети, причитали женщины, хмуро курили по углам растерянные отцы семейств. Это был великий и страшный исход – в Россию и дальше, за рубеж, туда, где можно было хоть как-то прокормиться и не бояться за будущее своих детей.

– Не хочу уезжать, – обняла девица маму. – Куда я поеду, когда вы остаетесь здесь?

– Все будет хорошо. Ты справишься, я знаю.

Перед тем как скрыться в зале ожидания, она обернулась, выхватила взглядом из толпы провожающих родителей. Папа несколько раз сдержанно кивнул, мама старательно тарасилась, чтобы не разреветься. Она что-то крикнула, но расслышать было невозможно, кругом гомонила толпа, все прощались с родными.

– Не слышу! – покачала головой дочь.

Мама сделала такое движение, словно прижимает сумочку локтем к боку. И улыбнулась сквозь слезы.

Прижимать к боку сумку девица не умела. Длинные тонкие руки топорщились во все стороны острыми локтями и целомудренно складываться вдоль тела категорически не желали. Поэтому, во избежание ограбления, лямка сумки перекидывалась через плечо, а сама сумка прижималась сцепленными крест-накрест руками к груди. Во-первых – не украдут, во-вторых – тепло, да и заглушает немилосердное урчание в животе. А урчать животом девица ой как умела! Это было скорее даже не урчание, а какое-то катастрофическое клокотание – с тонким завыванием, переходящим в приглушенный рык. Нашей героине было двадцать три, и она постоянно хотела есть. И спать.

Такое странное поведение организма объяснялось сменой климата: когда переезжаешь в другую страну, какое-то время приходится вести практически растительный образ жизни. Недавно девица поставила личный рекорд – проспала стоя, уткнувшись лбом в дверь с грозной надписью «НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ», всю серую ветку метро, от станции «Пражская» до станции «Алтуфьево». И если бы не сердобольная тетечка, которая отодрала ее от надписи и вывела из вагона, то проснулась бы она в депо, или куда там дальше уходят эти быстрые подземные поезда.

В другой раз девица уснула за ужином, и квартирная хозяйка тетя Поля чуть не отдала богу душу, застав на кухонной табуретке сосредоточенно сопящее мраморное изваяние. Проснувшись с утра, девица обнаружила у себя на прикроватной тумбочке маленькую иконку Божьей Матери.

– От сглазу, – назидательно выговорила тетя Поля. – А то ишь чего надумала – за столом засыпать. Где это видано? Замучилась тебя до кровати волочь.

– Я не специально!

– А то я не вижу, что не специально!

На Петровке девица оказалась не случайно. Сегодня в центральном офисе банка «Золотой Век» проводилось собеседование. Банк набирал девушек для работы в обменный пункт, который в скором времени должен был открыться в гостинице «Интурист».

– Вежливость, коммуникабельность, знание английского языка. Интим не предлагать! – зачитывала в трубку Аля Шелгунова, однокурсница нашей героини.

– Откуда у тебя это объявление? – встrepенулась девица. – И с какой стати работник должен предлагать интим?

– Ой, – хихикнула Аля, – тут я маху дала! Интим обычно работодатели предлагают.

- Как это маху дала? Ты что, сама его составляла?

- Ну да! Мать устроилась бухгалтером в банк. Попросила составить грамотное объявление о наборе девушек. Работа - сутки через трое.

- Аль! А может, мне попробовать? Я вежливая, коммуникабельная, и английский у меня неплохой.

- И интим не догадаешься предложить! - не преминула ввернуть Аля.

- Ну да, - скорбно согласилась наша героиня, - не предложу. Мне, главное, какую-нибудь работу найти, а то жить практически не на что.

Жить действительно было не на что, устроиться на неполный рабочий день не получалось. Какое-то время она подрабатывала няней в семье с двумя разномастными детьми трех и пяти лет. Дети полюбили ее с первой минуты и ходили за ней хвостиком. Родители, Андрей и Наташа, занимались продажей подержанных иномарок - очень прибыльный в 90-е бизнес. Андрей уходил на работу ни свет ни заря, Наташа дожидалась прихода няни и тоже уезжала в офис. В обязанности нашей героини входило всего ничего, как-то: с боем накормить детей, ибо по-другому они есть не умели, уложить их на полуденный сон, тоже с боем, а также с песнопениями, ритуальными танцами народов Крайнего Севера и другими шаманскими телодвижениями. Пока дети спали, няня успевала подготовиться к завтрашним занятиям и немного прибраться в квартире. Уборка в ее обязанности не входила, но сидеть со сложенными руками, видя, в каком загнанном виде возвращаются с работы Андрей с Наташей, было выше ее сил.

Часам к пяти нужно было поднять детей, накормить их полдником и вывести погулять. Гуляли до последнего ребенка на площадке, ибо другого способа вернуть подопечных домой няня не знала - любая попытка увести их с игровой площадки, если там ковырялся хотя бы один заваливающий чужой ребенок, заканчивалась горькими слезами и всевозможными истериками. Хорошо, что на дворе стоял октябрь, темнело рано, и часам к семи двор пустел. Последней с

площадки ретировалась наша героиня с вверенным ей многочисленным хозяйством – двумя перемазанными до бровей детьми, крякающей уточкой на колесиках, всевозможными лопаточками и формами для лепки песочных куличей, большим автоматом, плюющим красным огнем, и длинным сачком для ловли бабочек. Без сачка дети наотрез отказывались гулять.

По возвращении домой сначала всей дружной компанией приводили в божеский вид верхнюю одежду, а потом до позднего вечера забавлялись разными занятиями. Разные занятия – это письмо, азы английского, лепка из пластилина, рисование. К девяти вечера в квартиру заползали измученные родители и отпускали няню на все четыре стороны в темный страшный город.

– Не забудь позвонить нам, когда доберешься домой! – требовали они.

– Я дома, – рапортовала через час наша героиня.

– Ну слава богу, – отзывались на том конце провода.

– Опять стоя заснула? – всплескивала руками тетя Поля. – Ты хоть трубку положи!

– Я нечаянно, – мычала девица.

Через два месяца к внукам переехала бабушка, и семья с большим сожалением распрощалась с няней. Наташа вместо оговоренных пятидесяти долларов заплатила сто и подарила нежно-лиловый шарфик с тонкой вышивкой по краю, Андрей вручил брелок с трехпалым растопырчатым логотипом «Мерседеса»:

– С почином. Будут деньги – приходи к нам за машиной. Мы тебе хорошую скидку сделаем.

– Обязательно! – вздохнула няня. Уходить из этой семьи было очень грустно – за два месяца она успела сильно привязаться к детям.

– Никогда, никогда больше не пойду в няни! – поклялась себе наша героиня и устроилась продавцом в продуктовый ларек. Но ларек плохо отапливался, за окном вьюжил ноябрь, и через неделю она слегла с высокой температурой.

- Ты туда больше не пойдешь! - бухтела тетя Поля, облепляя ее со всех сторон кусачими горчичниками. - Ищи другую работу. А в ларек я тебя не отпущу, так и знай!

Устроиться на другую работу не получалось. По объявлениям о найме на неполный рабочий день отзывались какие-то непонятные женщины, которые первым делом интересовались параметрами соискательницы работы - рост, вес, опять же цвет глаз.

- Интим не предлагать, - трепыхалась на этом конце провода девица.

- А мы и не предлагаем, - отзывались елейными голосами женщины, - какой же это интим - работа в сауне? Вы будете обслуживающим персоналом!

Поэтому звонку Али девица очень обрадовалась. И через три дня она вышагивала по Петровке, шарахаясь от одного ее тротуара к другому, выискивая таинственный дом номер 15/13, владение банка.

- Чтобы в 13.00 была на месте! - предупредила накануне Аля. - Мама говорит - опоздание смерти подобно!

- Я буду там ровно в час.

- Запомни - дом находится за невысокой аркой. Нырнешь под эту арку и вынырнешь к банку. Ясно?

- Угум!

Собирали девицу на собеседование всей честной компанией. Вся честная компания - это сама девица, квартирная хозяйка тетя Поля и соседка Марья Дмитриевна. Долго выбирали подходящий наряд - чтобы солидно и простенько. Остановились на строгой, нежного лимонного цвета блузке и прикрывающей колени юбке. Тетя Поля собственноручно напудрила девицу допотопной, пахнущей бабушкиным сундуком пудрой, Марья Дмитриевна щедро окропила святой водой.

В полдень, истоптав Петровку вдоль и поперек, наша героиня наконец добрела до заветной арки. Дом 15/13 оказался небольшим трехэтажным зданием, обнесенным со всех сторон высоким чугунным забором. За забором угадывались какие-то чахлые кусты и даже скамейки и одна куцая ель породы «голубая». Девушка робко толкнула незапертую тяжелую калитку. К входу вела узкая недлинная тропинка.

– Главное, излучать уверенность и спокойствие, – прошептала она, крепко прижала к груди сумку «Shanel» и как можно грациознее ступила на дорожку.

– Ух ты господи! – Выскочил из здания кругленький старичок в длинном вязаном жилете и заправленных в валенки штанах. – Сильно ударились?

– Копчик... ушибла.

– Еще бы, такой кульбит! – Старичок помог ей подняться, нашарил в подтаявшем снегу отлетевшую клокастую шапку. – Аж костями загремела, так навернулась.

– Я к вам на собеседование. – Девушка отряхнула шапку, нахлобучила на голову. – Пораньше пришла, чтобы не ругали за опоздание.

Старичок аккуратно провел ее мимо вертушки (не зацепись тут!), заглянул в сторожевую комнату. Долго шуршал страничками тетради, выискивая в списке фамилию.

– Ты у нас кто? Которая армяночка?

– Да.

– Понаехавшая, значит?

– Понаехавшая, ага. С гор. – Девушка вытащила из сумки платок, протерла сумку. Вздохнула, закручинилась лицом. – Вот, даже не знаю, возьмут меня или нет. Я

без опыта работы.

– А ты не будь такой наивной, ничего об этом не говори. Делай вид, что все умеешь и знаешь. Иди воон туда, в третий кабинет.

– Прямо так сразу и идти? – испугалась девица.

– Ох, горе горькое, пойдем, отведу тебя.

Старик запер коморку на ключ, взял под локоток прихрамывающую девицу и поволок куда-то направо, в плохо освещенный коридор.

– Можно? – Не постучавшись, толкнул дверь кабинета. – Я вам девушку привел, на собеседование.

– Заводи! – откликнулись изнутри низким грудным голосом. – Егорыч, а ты чего ее сам привел, она тебе дала, что ли? – Довольный голос разразился громким хриплым хохотом.

Девица оторопела.

– Не бойся, – шепнул Егорыч и мягко подтолкнул ее в спину. – Это она так шутит.

– Здравьсти, – пискнула девица и робко заглянула в кабинет. – Можно?

– Здравствуйте. – Из-за стола поднялась полная невысокая женщина. Короткостриженные волосы пестрели разноцветными прядями, гипюровая прозрачная кофта обтягивала большую грудь. – Это вы у нас по блату?

– В смысле, по блату? – испугалась девица.

– За вас наша бухгалтер просила.

– Ах да! Она мама моей однокурсницы. Можно?

– Заходи! И закрой за собой дверь. Дует.

Девушка закрыла дверь, неловко стянула с головы шапку, пригладила волосы. Потупилась. Громко сглотнула. Смутилась. Крепче прижала к груди сумку.

- Семью восемь? - пошла в наступление женщина.

- Пятьдесят шесть, - не дрогнула наша героиня.

- Двенадцать в квадрате?

- Сто сорок четыре!

- Так! Кто по образованию?

- Филолог. Сейчас второе высшее получаю.

- На кого переучиваемся?

- На журналиста.

- Мощно! Мало было одной безденежной профессии, ты решила еще и вторую освоить?

- Ну, это сейчас она безденежная. Потом, думаю, все изменится.

- Акцент есть, ну да хрен с ним. Все равно с иностранцами работать. Английским владеем?

- Владеем.

- Матом послать умеем?

- Нет.

- Нехорошо!

Женщина побарабанила пальцами по столу, встала. Прошлась непринужденной иноходью по кабинету туда-сюда, еще раз туда-сюда, зачем-то заглянула в мусорную корзину, поворошила там рукой. Вытащила какую-то мятую бумажку, разгладила на колене, долго ее изучала.

- Семью девять! – гаркнула что есть мочи.

- Шестьдесят три, – подскочила девица.

- Смотри-ка, филолог, а считать умеет!

- Я школу с серебряной медалью окончила!

- Не выебывайся, как муха на стекле. Это первое мое собеседование, на тебе тренируюсь. Ну как?

- Что как?

- Собеседование как?

- Нормально, хм.

- Вот и славно. Значит, Понаехавшая, говоришь?

- Ага, с гор!

- А то я не вижу. Родители тут или там?

- Там.

- Хэх. Ладно, жалко мне тебя. Берем. Зовут меня О. Ф., говорить со мной вежливо, слушаться беспрекословно. Не перечить. Ясно?

- Ясно! – выпятила грудь Понаехавшая.

– Садись. Пальтоними! Да отцепись ты от сумки, ничего с ней не случится. Чаю хочешь?

– Нет!

– Кому было сказано не перечить? Налей себе чаю, вон, видишь, термос стоит на столе. Печенье возьми. И сахару в чай положи, три куска. А лучше четыре.

Так наша героиня и попала в «Золотой Век».

Для работы в обменный пункт О. Ф. отобрала восемь девушек. Семь москвичек с опытом работы в банке и одну Понаехавшую с пропиской в селе Верхние Луки Рязанской области и без опыта работы. Такой вот выверт фортуны.

После недолгого, буквально двухчасового обучения – показывали, как заполнять справки, как запечатывать инкассаторскую сумку и обращаться с калькулятором, – испуганных девушек повели в отдел кадров. Оформляются. На второй день дали подержать в руках доллары и немецкие марки, вручили книжку с подробным описанием мировых валют и повезли в «Интурист» – знакомиться с местом работы.

Первыми, кого увидели девушки, перешагнув порог гостиницы, были жрицы любви – они разноцветной стайкой толпились возле высокой колонны слева и, покуривая, что-то оживленно обсуждали.

– Мамочки! – внутренне сжалась Понаехавшая. – Куда это я попала?!

– Дааа, весело нам тут будет, – хмыкнула О. Ф. – Ну, чего столпились у входа, идем прямо, к стойке ресепшн. Где-то там, сбоку, и должен быть наш обменник. На блядей не озираемся. Сказано – не озираемся!

И, напевая что-то бравурное себе под нос, О. Ф. погнала испуганных девочек вглубь гостиницы.

Из письма Понаехавшей к подруге:

«Ты только не думай, у меня все в порядке. Устроилась на работу в „Интурист“, ничего пока не умею. Приняла у клиента пять долларов, рубли отдала как за десять. Недостачу вычтут из зарплаты. Кругом много иностранцев, и проституток тоже много. Зато коллектив хороший. Учат меня матом ругаться, но я не поддаюсь. Совмещать работу с учебой не очень получается, придется, наверное, уходить из университета. Пока раздумываю. Маме с папой ничего об этом не рассказывай. Ну, про универ, про мат и проституток. И про недостачу не говори. Скажи, что я в банке работаю, и что все у меня хорошо.

А вообще, знаешь, что я хочу тебе сказать? За последние полгода я впервые нашарила твердую почву под ногами.

Москва меня, кажется, приняла».

Глава вторая. Новоселье

«Интурист» отнесся к девочкам не то что неласково, а скорее настороженно. Охрана третировала постоянными проверками документов, администраторши из ресепшн не замечали в упор, продавщицы салона «Русские Меха», накинув на плечи служебные соболя, прохаживались в опасной близости от обменника, презрительно задирая тонко выщипанные брови.

– А это кто такие? – как бы риторически спрашивала одна.

– Да фиг его знает, нагонят в приличную гостиницу не пойми кого, а потом жалуются, что клиентов мало! – отвечали хором остальные.

Вот такие приблизительно разговоры вели коренные интуристовцы, завидев в ареале своего обитания опасных чужаков. Опасные чужаки пренебрежительного к себе отношения не замечали – находились в состоянии аффекта. Аффект, можно сказать, подкрался незаметно и отовсюду.

Взять хотя бы обменник. Никто в банке не предупреждал, что работать придется в бывшем павильоне для продажи зажигалок «Zippo». Может, для продажи зажигалок этот павильон очень даже был приспособлен, но для обмена валюты – решительно нет. Крохотное насквозь стеклянное помещение было выдержано в барочном стиле – золоченые витрины, гипсовая колоннада по нижнему краю, всякие другие вычурные загогулины. Чего стоили две пузатые, обитые зеленым бархатом банкетки и овальное зеркало в массивной раме в мелкий завиток! Попытка снять зеркало со стены не увенчалась успехом: когда Понаехавшая потянула его на себя, павильон угрожающе скрипнул и попытался опрокинуться на бок.

– Не иначе противовесом работает! – хмыкнула О. Ф.

Проветривалось помещение весьма оригинально – методом отодвигания в сторону потолка. Потолок представлял собой прямоугольный лист фанеры. Нужно было взобраться на стул и, аккуратно подталкивая снизу, подвинуть фанеру в сторону так, чтобы она не рухнула внутрь или, не дай бог, наружу, в зимний сад. Зимний сад был особой гордостью гостиницы – там, среди вытянувшихся в человеческий рост пальм и каких других сансевиерий, круглый год роились оглушенные постсоветским сервисом иностранцы. Поэтому с проветриванием помещения нужно было соблюдать предельную осторожность, ведь убийство клиентуры падающим потолком в обязанности кассирш обменника не входило.

Функциональностью рабочее место тоже не блистало. Когда девочки разложили по стеклянным витринам необходимую аппаратуру, как-то: счетные машинки, калькуляторы, лупы, канцтовары, ультрафиолетовые лампы для просвечивания денег, а также увесистую кипу макулатуры, в которую оформляется сопроводительная документация, оказалось, что обменник забит реквизитом по самые уши. Рабочего пространства осталось всего ничего. От графика «сутки вдвоем» пришлось временно отказаться. Если одна кассирша еще как-то могла перекаптоваться на придвинутых впритык стульях до утра, то с двумя такой маневр категорически бы не прошел. Поэтому О. Ф. приняла волевое решение оставлять на ночь одну кассиршу. Итого часть девочек должна была работать сутки через трое, а вторая – два дня через два, с десяти утра до десяти вечера.

– Я буду не я, если не выбью у этих козлов бронированное помещение! – поклялась О. Ф. на сканере для проверки подлинности валюты. – Просто потерпите чуть-чуть, девочки.

Девочки были согласны на все, лишь бы скорее закончить с новосельем. Поэтому они тщательно протерли все витрины, вымели остатки мусора, проветрили обменник и торжественно заперли на ключ. Обошли со всех сторон, полюбовались делом рук своих. Обменник фальшиво переливался золотом, серебром, стеклянным блеском да амбирными загогулинами насмерть приваренного к стенке зеркала.

- На первое время - вполне, - удовлетворенно кивнула О. Ф. и прислонилась плечом к стенке. Стеклянная панель с легким хрустом отошла от петель и провалилась внутрь. Не случись на ее пути обитых бархатом банкеток, она бы разлетелась на тысячи осколков. А так просто опрокинулась на мягкое и плавно съехала на пол.

Остаток вечера девочки провели в перестановках. По новой передвинули всю аппаратуру, чтобы обезопасить себя от ломких запчастей, заодно починили капризный замок - запирать помещение он запирал, но при легком нажатии на ручку услужливо распахивал дверь.

Ужинали в гостиничной столовой для сотрудников. Молочным супчиком и компотом из сухофруктов.

- Завтра в десять ноль-ноль всем явиться на работу, - велела О. Ф.

- Зачем всем?

- Знакомиться.

- То есть как знакомиться? Вроде уже?

О. Ф. допила компот, выловила из стакана чернослив, придирчиво разглядела его со всех сторон, поморщилась, но съела. Облизала пальцы.

- Обмывать будем!

Йаичныца

Свой первый рабочий день Понаехавшая запомнила на всю жизнь.

- Не выпить ли нам чего? А то я непривычная всухомятку с незнакомыми людьми работать, - предложила О. Ф.

Коллектив сбегал в продуктовый, взял два батона хлеба, вареной колбасы, плавленого сыра «Виола» и баночку маринованных огурчиков. А потом с озабоченным видом завис в винном отделе.

- На девять человек двух бутылок будет вполне достаточно, - посчитала в уме Трепетная Наталья.

- Не мало? - засомневалась девушка Галя.

- А почему на девять? - наивно спросила Понаехавшая. - Я ж не пью.

- То есть как это - не пьешь? - встрепенулся коллектив. - Ты что, совсем на голову больная?

- Ага, - радостно кивнула Понаехавшая, - у меня аллергия на спиртное. Если выпью - моментально вырубаюсь. Да и не голодна я, с утра поела. Йаичныцы.

- Ахахаааа!!! Чего ты поела?

- Йаичныцы! - на чистейшем армянском русском отозвалась Понаехавшая.

- Возьмем три бутылки, - решил коренной до мозга костей коллектив. - Заодно этому чуду вылечим аллергию. И акцент.

Фуршет организовали в обменнике. За считанные секунды нарезали бутербродов и разлили по пластиковым стаканчикам водку. Вывесили в окошке «BREAK 15 min». Через 15 min заменили на «CLOSED».

- За знакомство, фух! – скомандовала О. Ф.

- Фух! – откликнулся коллектив, дружно закусил перехватившее дыхание хрустким маринованным огурчиком и нехорошо уставился на Понаехавшую: – Нууууу?

- Фух! – крикнула Понаехавшая, залпом проглотила водку, потянулась за огурчиком и свалилась под стол.

- Пиздец! – О. Ф. аккуратно подняла подчиненную, прислонила к счетной машинке и, удостоверившись, что признаки жизни наличествуют, велела продолжать фуршет.

За те три часа, что Понаехавшая находилась в анабиозе, девочки успели дважды сбегать в магазин, а О. Ф., воспользовавшись их отсутствием, прошлась победным маршем по фойе и напустила страху, ущипнув за мягкое место неприступного начальника охраны Сергея Владимировича по кличке Дровосек.

Понаехавшая пришла в себя как раз в тот момент, когда Добытчица Наташа показывала «безотказный фокус с сисями». «Безотказный фокус с сисями» – это когда на левую грудь шестого размера ставишь тарелку с бутербродами, на правую – пластиковый стаканчик с водкой, пепельницу и пачку сигарет, подходишь в таком виде к своему мужчине и говоришь ему ласковым голосом: «Мне нужно сто долларов на новую кофту».

- Действует безотказно, – уверяла Наташа.

А потом О. Ф. оставила самую трезвую девочку работать в ночь, а остальных загрузила в машину и повезла в Бутово, показывать свою новую квартиру.

Попытки дезертирства пресекла на корню:

- Кто не поедет - уволю на хуй! Ясно? А ты, Йаичныца, садись вперед, будешь предупреждать о светофорах, а то я выпивши ни хера не вижу. И не слышу, гы-гы-гы!

Это была воистину поездка века. Если кто из москвичей в декабре 94-го видел бежевую набитую визжащими от ужаса девицами запотевшую «пятерку», которая, игнорируя все светофоры, непринужденным зигзагом промчалась по Люсиновской и Варшавке и в районе улицы академика Янгеля на полной скорости протаранила огромный сугроб, то знайте - это были кассирши интуристовского обменного пункта!

- Ёб вашу мать! - вывалившись из автомобиля, обратилась с приветственной речью к обступившим машину аборигенам О. Ф. - Ёб вашу мать! Понатыкали сугробов на тротуарах, нормальным людям проехать не дают!

Совет: в общем, если хотите в короткий срок избавиться от акцента - знаете что делать.

Добытчица Наташа

Однажды в обменнике работала девушка Наташа, и кассирши очень хорошо в этот период питались.

В 92-м году напротив «Интуриста», через Тверскую, открыли фирменный магазин «Данон». Москвичи ходили туда целыми семьями, но ничего не покупали, потому что йогурты стоили чуть ли не по десять долларов за штуку, притом что средняя зарплата в городе едва дотягивала до ста долларов. Чтобы как-то оживить торговлю, среди высоких морозных полок магазина сновали хорошенькие девушки в сине-белых костюмах и голосом античных сирен склоняли посетителей к необдуманным тратам. Посетители не поддавались. Они прятались от сирен за соседними полками и воровато читали по слогам состав йогуртов.

– Ооооо, взбитые сливки! – трепетали они. – С кусочками папайи и гуавы!

А слева от гостиницы, в Газетном переулке, открылся «Макдоналдс». И если раньше кассирши обменника обедали по талонам в интуристовской столовой: гороховый супчик с намеком на копченую грудинку, чахлый винегрет, макароны, компот, – то с открытием «Данона» и «Макдоналдса» они каждый день стали есть много-много йогуртов и много-много гамбургеров.

Такая эволюция в рационе объяснялась очень просто.

В те смутные годы в «Интуристе» верховодила так называемая чеченская мафия. Периодически в гостиницу приезжали целые тейпы: пятьдесят-семьдесят грозных мужчин в папахах и других душевынимающих головных уборах. Они заселялись на какой-нибудь один этаж и потом ходили стаями по гостинице, распугивая иностранных туристов своим диковинным видом.

А у Наташи был шестой размер груди, и она всячески подчеркивала ее пышность разными кружевными вырезами. И грозные чеченские мужчины водили к окошку обменника своих желторотых сыновей – полюбоваться на Наташино декольте, потому что «ты мужчина и все в этой жизни должен увидеть»! И в знак благодарности оставляли в окошке щедрые подношения в виде упаковок йогуртов «Данон», гамбургеров и картошки фри.

Наташа с хохотом принимала дары и подкладывала декольте на лоточек, который выдвигался туда-сюда, чтобы передавать деньги. А однажды она позволила одному мальчику подержаться за свою грудь. Мальчик потом уходил от нее боком и даже вприсядку, и Наташа задумчиво произнесла, глядя ему вслед: «Небось кончил».

Это был самый сытый период интуристовской эпопеи, но он, к сожалению, скоро закончился. В какой-то момент Наташиному мужу надоело такое всеобщее обожание его жены, и он пригрозил, что если она не прекратит демонстрировать всем свои прелести, то ей придется увольняться.

Наташа обещала исправиться и завела себе новый, монашеский гардероб. Заменяла декольте на водолазки и прикрывала калькулятором выпирающую из окошка грудь.

Так что питаться кассирши обратно стали в столовой. Гороховым супчиком и винегретом. По талончикам. Но в благодарность о светлых временах теперь называли Наташу Добытчицей.

Аня

Однажды в обменнике работала девушка Аня. Такая вся из себя блондиночка с растопыренными ресничками, пухлыми розовыми губками и пергидролевым каре. И как-то в общем разговоре Аня, культурно запивая бутерброд с колбасой коньяком, призналась:

- Муж сильно ревнует меня к бывшему (вздых). Совершенно, между прочим, зря (вздых). Мы, конечно, встречаемся и поебываемся по старой памяти (смешок), но это ведь не повод для ревности! Он, в конце концов, мне не первый встречный, а бывший муж! Практически родной человек!

- Кто тебе родной человек? - поперхнулась Понаехавшая.

- Как кто? Бывший муж, конечно!

- А как же нынешний?

- Нынешнего я люблю. А с бывшим по старой памяти поебываюсь. Чтоб не терять сноровки.

Совет: разводясь, на всякий случай сохраняйте теплые отношения с бывшими мужьями. Берегите сноровку.

О. Ф.

Однажды О. Ф. напилась до такого состояния, что прорвалась через охрану известного певца К. и ущипнула его за бок. В другой раз она снова пробила кольцо его охраны, но рядом с К. гарцевал молодой и еще не широко раскрытый модельер Ю., и он самоотверженно подставил свой бок под ногти

О. Ф.

Столь богатые на представителей богемы трудовые будни О. Ф. объясняются очень просто – у певца К. на последнем этаже «Интуриста» имелся офис. И к нему часто приходили разные люди – просить денег. Или протекции.

А однажды О. Ф., будучи опять сильно подшофе, нацелилась вырвать ребро какому-то важному чеченскому авторитету. Охрана авторитета мигом скрутила ее и доставила в обменник. По дороге О. Ф. вырывалась и успешно исцарапала вдоль и поперек всех охранников. Но они были истинными джентльменами и не стали в ответ царапать О. Ф.

Выросшей в маленькой патриархальной республике Понаехавшей было в диковину наблюдать пьяную женщину. Она сильно переживала за свою начальницу и сопровождала ее по всему «Интуристу». Дело в том, что в гостиницу зачастил новоиспеченный мэр Лужков, и девушка не хотела, чтобы О. Ф. и его ущипнула за какое-нибудь место. О. Ф. пьяно отбрыкивалась и называла девушку «отъебись, уебище». Охрана Лужкова мрачно наблюдала эту душераздирающую картину, но ни на секунду не расслаблялась – слава о выходах О. Ф. дошла до высших эшелонов власти.

А вообще, когда О. Ф. напивалась, она обычно оставалась в обменнике на сутки и всю ночь на автопилоте меняла валюту. Туда и обратно. И что удивительно – ни разу не просчиталась!

Наблюдение: женский алкоголизм, хоть и неизлечим, но на операции по обмену валюты не влияет.

Жрица любви

Однажды к обменнику подошла жрица любви в изрядно потрепанном макияже, просунула в окошко купюру в сто долларов и попросила разменять по пятьдесят.

– А то минет стоит пятьдесят долларов, а у меня сдачи нет, – доверчиво объяснила она.

У Понаехавшей чуть удар не случился.

«Эвона как, – лихорадочно соображала она, разменивая сто по пятьдесят, – она этими руками делала минет, а теперь ими же передала мне купюру. Я не заболею сифилисом?»

Нет слов, одно мычание.

Глава третья. Гостиница

«Интурист» оказался весьма посредственной гостиницей с обшарпанными интерьерами и запредельными ценами на сервис. Верхние этажи сдавались под офисы и рестораны, фойе было забито мелкими ларьками, торгующими сувенирами а-ля рюс. Там непреклонному в своем желании познать загадочную русскую душу интуристу предлагались матрешки, ушанки, водка, икра, хохлома и прочая гжель. А также самовары, балалайки, расписные деревянные ложки, разновсякие псевдофаберже и даже баян. Каждое утро две худенькие продавщицы выволакивали баян из-под прилавка и вешали на устрашающий, но элегантно обмотанный мерцающей гирляндой мясницкий крюк. Баян с потусторонним стенанием разворачивал полукругом свои мехи и покачивался на сквозняке, укоризненно выставив на обозрение красные бока. В течение дня всяк мимо проходящий считал своим долгом дернуть за свободный ремень и изобразить на клавиатуре что-то отдаленно музыкальное. Баян с готовностью выдавал леденящие душу импровизации, распугивая приезжий народ на многие мили вокруг.

Справа от павильонов и зимнего сада раскинулся большой магазин-салон «Русские Меха». Девочки из «Мехов» считали себя чуть ли не небожителями – еще бы, предлагать клиентам шубы за двадцать тысяч долларов не каждой смертной доверят. Они порхали по внешнему периметру салона мелкими стайками, зябко кутались в элитные меха, подвернув болтающийся ценник куда-то в рукав или под воротник. Щебетали исключительно на странной смеси иностранных языков – щеголяли знаниями. Правда, эти знания им были совершенно ни к чему – основной клиентурой салона являлась «братва» в

малиновых пиджаках. «Братва» умела вежливо сказать «принеси-подай» и «курва». Девочки безропотно обслуживали маргинальных покупателей, а потом полдня ходили с трагической гримасой поперек лица – переваривали обращение «слышь, волосатая мездра».

По просторному фойе с грозной и озабоченной миной сновала бравая, закованная в униформу охрана. Вид охрана имела устрашающий – квадратные челюсти, короткие стрижки, шипящие на выдохе рации, убедительно выпирающая из-под пиджака кобура. Только вместо оружия в кобуре хранились заботливо нарезанные бутерброды и всякая другая мелкая трапеза. Поэтому, когда спустя какое-то время в гостинице случилось ограбление, охрана вперед постояльцев рванула прятаться – а кто дурак безоружным лезть на рожон?

За окаймленным сувенирными лавочками зимним садом расположилось большое казино. В те времена игорные дома были в новинку, поэтому клиентура была весьма разнообразной – от простых обывателей и даже пенсионеров, пришедших разочек попытать счастья, до ценителей жанра и даже лудоманов. Работники «Интуриста» в казино не заглядывали – там творились странные дела, выигрыши случались крайне редко, а если и случались, то только крупные и у «крыши». По гостинице ходили систематические слухи, как «на той неделе буквально на минуточку заглянул некий криминальный авторитет, сделал минимальную ставку, сорвал банк в пятьдесят тысяч долларов и уехал прочь, а владелец казино ползал за ним чуть ли не на карачках и рвался подобострастно облобызывать ему ботинки».

Особой достопримечательностью «Интуриста» считались жрицы любви (в гостинице их принято было называть «валютными девочками»). Если днем они старались не попадаться на глаза, то ближе к вечеру высыпали разномастными группками и, призывно вихляя бедрами и другими формами, прогуливались по фойе – предлагали встречным свои услуги. Верховодила ими крикливая хромоногая сутенерша Вера – она неустанно контролировала каждый шаг своих подопечных, строго следила, чтобы они не напивались до положения риз и не дебоширили.

По ходу рабочей ночи жрицы заметно теряли товарный вид – растоптанный макияж, пошатывающаяся полупьяная походка, квелые прелести. Наблюдать за ними было страшно и больно – это была та темная сторона жизни, от которой хотелось держаться как можно дальше.

Впрочем, своим образом жизни жрицы любви не особо тяготились и уходили из профессии если и планировали, то только вперед ногами.

Вот в такой нервной обстановке и предстояло работать кассиршам обменника. Какое-то время, недели две, а может, и три, девочки находились в полной прострации – сцепив зубы, меняли валюту, стараясь не шибко ошибаться в расчетах. Спустя несколько часов сосредоточенной работы внимание притуплялось до такой степени, что все купюры казались на одно лицо. Сведение кассы выливалось в сплошную трагедию – девушки регулярно недосчитывались денег. Если иностранцы в незнакомых купюрах не разбирались, поэтому пересдач просто не замечали, то аборигены старались смыться до того, как нерадивая кассирша спохватится и поднимет вселенский вой.

По итогам первого месяца работы буквально все девочки из-за допущенных ошибок вышли в ноль, а некоторые умудрились остаться в должниках. Вот тут-то и произошел первый отсев: некоторые угнетенные недостатками кассирши позанимали денег, закрыли долги и уволились навсегда. Пришлось О. Ф. обновлять состав. Новым девочкам было проще – их посадили в пары со слегка поднаторевшими коллегами, они втягивались в работу постепенно, поэтому ошибок, которые случались на пути первого прямо-таки горе-состава, не совершали.

Интуристовские работники настороженно наблюдали за новичками, попыток сближения не предпринимали. Но потом, удостоверившись, что девочки обосновались в гостинице надолго, решили проверить их на вшивость и отправили к ним одного из носильщиков с кипой валютной мелочи. Кассирши безропотно обменяли двадцать однодолларовых ветхих купюр на одну новенькую и хрустящую, чем навсегда снискали расположение гостиничных

коллег.

Таким нехитрым способом Рубикон был перейден, и «Интурист» повернулся к девочкам лицом.

Из письма Понаехавшей к подруге:

«Я иногда думаю, стоило ли столько лет убиваться на учебе, чтобы потом устроиться обычной кассиршей в обменный пункт? Стыдно и обидно, что моя профессия в новой жизни никак не пригодилась. Помнишь, как на просьбу Наралова поднять руку тем, кто читал джойсовского „Улисса“, со всего курса откликнулись только мы с тобой? Он тогда сказал, что делит своих студентов на две категории: рукопожатные и остальные. И что рукопожатные – это те, которые читали „Улисса“. А потом подошел и пожал нам руки. Мы чуть не лопнули от гордости, еще бы, нас похвалил сам Наралов – страх и ужас всего филологического факультета!

Мы ведь были лучшими – всегда. Самые начитанные, самые старательные, самые умненькие. Нас часто ставили в пример.

Теперь я сижу за кассой и наблюдаю жизнь в обменниково окошко. Неужели это все, к чему я стремилась?

Сначала мне было невероятно горько. А потом я успокоилась. Знаешь, что я тебе скажу? Нужно относиться ко всему проще. Не получается сейчас, получится потом. Обязательно получится. Главное, не унывать и не сомневаться.

По большому счету, неважно, где ты работаешь.

Всюду жизнь».

Люда

Однажды в обменнике работала девушка Люда. За время работы к ней прилепилась стойкая кличка Бедовая. Потому что, где Люда – там и беда. Если в

«Интуристе» переклинивали парадные двери, то никто не сомневался, чья голова застряла между створками.

Если по какой-то причине в обменнике отключалось электричество, то не надо уточнять, кому приходилось вслепую пересчитывать пачки денег, чтобы как-то запечатать инкассаторскую сумку.

Если Люда шла в туалет, то одна из кассирш обязательно сопровождала ее – Людины шансы заработать какой-нибудь гемор на маршруте обменник-туалет-обменник были несказанно высоки. Вспомнить хотя бы историю, как заклинило дверь ее кабины, и Люда проревела в туалете бесконечные двадцать минут, пока не явилась уборщица и по душераздирающим звукам, доносящимся с третьего унитаза, не вычислила поломку. На вопрос, почему она не стала звать на помощь, Люда ответила, что как назло в туалет заходили одни иностранки, а по-иностранному объяснить, что сломалась дверь, она не умеет.

Только однажды Люде удалось без сопровождения и без видимых телесных повреждений сходить в туалет, но и здесь она сумела отличиться – на обратном пути попала в толпу активных лесбиянок из Америки и вернулась в плотном кольце ухажерок.

– Тут мне по-английски что-то говорят, а я ни бельмеса не понимаю, переведешь? – вызвала она Понаехавшую из обменника.

– I wanna fuck her![1 - Хочу ее трахнуть (англ.)] – страстно обратилась к девушке жилистая женщина-гренадер в ковбойской шляпе и галстук-шнурке на закаленной техасскими штормами вые.

– Чего это она? – счастливо улыбнулась Люда.

– Just a moment![2 - Минутку (англ.)] – каркнула Понаехавшая и сделала круглые глаза Люде: – Уходим!!!

А далее случилось вот что: Люда молниеносно сгруппировалась, в один прыжок преодолела расстояние до обменника и надежно забаррикадировалась дверью, оставив на растерзание боевым американским лесбиянкам свою понаехавшую из маленькой горной республики коллегу.

Предупреждение: устроившись на работу в гостиницу, первым делом выучите на семи иностранных языках фразу: «Очень сожалею, но я не лесбиянка». Или, на худой конец: «Все люди – сестры».

И снова О. Ф.

История с боевыми лесбиянками – просто какая-то ерунда по сравнению с тем, что однажды пришлось пережить О. Ф.

В тот злосчастный день совершенно опрометчиво случилось Восьмое марта, и доведенная до нужной кондиции О. Ф. рыскала по «Интуристу» в поисках очередного высокопоставленного ребра.

– Пшла вон! – ругала она бродившую следом понаехавшую подчиненную. – Кому сказано, отъебись? Уволю на хер!

Понаехавшая пугалась, но не уходила, потому что чувствовала ответственность за свое непредсказуемое начальство.

О. Ф. поняла, что так просто от позорного эскорта не отделаться, и сделала попытку оторваться. Она рванула за угол и совершенно неожиданно для себя влетела головой в группу высоких грудастых тетенок, впоследствии оказавшихся делегацией голландских транссексуалов, приехавших в Москву на какой-то международный транссексуальный слет.

– Я пошарила рукой, чтобы за что-то зацепиться, ну и нашарила чьи-то яйца, – рассказывала потом О. Ф., запивая пережитый шок водкой. – Не, ну ваще охуели, бляди, сверху – сиськи, а внизу – елда!

Совет: и заодно выучите на нидерландском фразу: «Извините, пожалуйста, она просто хотела поздороваться с вами за руку!»

Карьерный рост

– Пойдем завтра покупать тебе одежду, заодно в парикмахерскую сходим, – огорошила Понаехавшую О. Ф.

Понаехавшая испугалась. Во-первых, О. Ф. была женщиной несколько рискованного вкуса – предпочитала люрекс, опять же боа или, на худой конец, бешено вьющийся по фасаду волан. А во-вторых, моментально воспламенялась, если ей перечили. Поэтому отказывать О. Ф. нужно было с большой осторожностью.

– У меня на новый гардероб денег нет, – нашлась Понаехавшая и убедительно закручинилась лицом.

– Не бзди. Я дам тебе денег. Вернешь, когда сможешь. А то ходишь в этой бурке, как неприкаянная.

– Чего сразу в бурке? Это, между прочим, мамино перелицованное пальто!

– Хорошо, что не дедушкины перекроенные кальсоны, – фыркнула О. Ф.

Крыть было нечем, пришлось сдаваться.

Через два дня Понаехавшая явилась на работу в огненно-рыжем облаке волос, розовом платье с волнительным запахом (насуешь в лифчик ваты!) и белых сапогах на высоком каблуке. Пахла она актуальным по тем временам «Амариджем» от «Живанши» и куталась в короткое малиновое пальто смелого кроя. Вид имела всполошенный и немного несчастный.

Успех не заставил себя долго ждать. Сначала ее отказался пускать в фойе начальник охраны Сергей Владимирович (кличка Дровосек) с мотивировкой: «Своих блядей выше крыши», – а следом нарисовалась хромоногая и толстозадая сутенерша Вера и предложила непыльную, высокооплачиваемую работу.

– Я менеджер по девочкам, – протянула она визитку. – Переходи ко мне работать. Думаю, тебе вполне по зубам классика с элементами извращений.

Убегала Понаехавшая от Веры убедительным спринтом, далеко выпучившись вперед глазами. Ворвавшись в обменник, первым делом сунула О. Ф. визитку.

– Это что?

– Да вот, повышение предлагают! – съязвила Понаехавшая. – «Классику с элементами извращений»!

– Сукаблядь, урою на хуй! – закатала рукава под мышками О. Ф. и побежала рвать в клочья Веру.

Это была воистину битва титанов.

– Еще раз подойдешь к моим девочкам, я тебе зуб вырву и на жопу натяну, ясно? – водила О. Ф. перед носом Веры ощерившейся длинными ногтями пятерней.

– Да я тебя первую по кругу пущу! – метко брызгала слюной Вера и колченогим приставным шагом трусила по периметру вытарашенного бюста О. Ф.

Разнимать женщин опрометчиво полез начальник охраны Сергей Владимирович (кличка Дровосек). И, пока в медпункте на третьем этаже ему делали противостолбнячный укол и обрабатывали ссадины на руках йодом, спустившие пары оппонентки под рюмочку-другую пришли к паритетному соглашению: отныне Вера обязуется не делать непристойных предложений обменнику, а обменник меняет ей валюту по льготному курсу.

– И чтобы я больше не слышала этого пренебрежительного «классика с элементами извращений», ясно? – стучала кулаком по столу О. Ф. – Моим девочкам подачек не надо. Уж если извращения – то по полной программе!

– Гавновапрос, – важно ходила бровями Вера.

Ограбление

Однажды в обменном пункте случилось ограбление. Повезло на такой воистину экстрим Понаехавшей.

- Здравьсти, это ограбление, - представился грабитель и для пущей убедительности просунул в окно пистолет. У пистолета было темное, несколько приплюснутое с боков дуло.

- Прахадити, гости дарахие, - всколыхнулась Понаехавшая.

Грабитель тут же ворвался в обменник и принялся шуровать в ящичках. Наша горе-героиня забилась в угол и какое-то время в ступоре наблюдала, как непрошенный гость выворачивает содержимое сейфов наружу. Потом очнулась, нашарила рукой куртку с сумкой. Тихо прокралась к двери.

- Ну, я пошла? - зачем-то спросила.

- Иди, - смилостивился грабитель.

Понаехавшая выскользнула из обменника и, дабы не злить грабителя суетливыми телодвижениями, пошла шагом от бедра в сторону лифтового холла. Там она незамедлительно была положена попрятавшейся охраной сначала мордой в пол, а потом, когда разобрались, что это вовсе не преступник, а работник «Интуриста», затолкнута в лифт и хаотично отправлена на семнадцатый этаж.

С семнадцатого этажа Понаехавшая телефонировала в банк и радостно отрапортовала, что вместе с курткой вынесла инкассаторскую сумку, пусть, мол, банк не волнуется, грабителю достанется самая малость.

За что была щедро премирована благодарственным письмом, грамотой и недельным отпуском вне очереди.

Глава четвертая. Фотороботы

День ограбления выдался невероятно сумбурным. Сначала на место происшествия нагрянула бригада скорой помощи. Оказалось, пока Понаехавшая находилась на семнадцатом этаже, в обменник ворвался начальник охраны Сергей Владимирович по кличке Дровосек и попытался посредством голой рации остановить вооруженного преступника. Грабитель, несколько обескураженный героизмом Сергея Владимировича, на долю секунды растерялся, но потом взял себя в руки, прострелил бравому начальнику охраны ногу и, не теряя времени, был таков. Уходил через нижние этажи и служебные помещения, нагоняя страх на сотрудников гостиницы вытаращенным дулом пистолета.

И теперь Сергей Владимирович истекал кровью, лежа вперемешку со скарбом для обмена валюты на полу, и виртуозно матерился в передвинутый для проветривания фанерный потолок. К счастью, он легко отделался – пуля, не задев кость, прошла навывлет и застряла в ковровине. Охранники, виновато сопя, облепили обменник со всех сторон. После того как врач скорой помощи вколол Сергею Владимировичу обезболивающее и наложил на рану повязку, они почтено отнесли своего начальника в машину. Нервно курили вслед, смахивая колючую мужскую слезу.

Затем приехало телевидение, и звезде дня Понаехавшей пришлось бубнить невнятное в микрофон, протянутый юркой, густо накрашенной девицей.

– Сегодня в самом центре столицы, недалеко от Кремля, случилось беспрецедентное по своей наглости ограбление! – прицельно выкрикивала девица в камеру оператора. – Мы сейчас разговариваем с жертвой ограбления, кассиром обменного пункта банка «Золотой Век»...

– Не надо рекламы, – промычал увешанный проводами оператор.

– Мы сейчас разговариваем с жертвой ограбления...

- Вообще-то я не жертва, - обиделась Понаехавшая.

- А кто?

- Очевидица.

- Мы сейчас разговариваем с очевидицей ограбления, кассиршей обменного пункта... извините, как вас зовут?

Понаехавшая назвалась. Девушка кивнула. И бойко продолжила репортаж, безбожно перевирая имя и фамилию Понаехавшей каждый раз на новый лад. Ни разу не повторилась!

- В вашем обменном пункте убиты люди! - тыкала микрофоном в лицо репортерша.

- Ранен начальник охраны.

- Смертельно? - оживилась журналистка.

- Не смертельно.

- Ну, это мы еще посмотрим, - не сдавалась репортерша. - Сколько было грабителей? Говорят, что на вас напала целая банда! Они вам угрожали? Может, насильовали? Напугали до смерти? Ранили? Пытали? Ранили и пытали?

По ходу репортажа подтягивались новые журналисты, они лезли в нос круглыми диктофонами и другими записывающими устройствами, щелкали фотоаппаратами и наперебой сыпали вопросами.

Понаехавшая откровенно страдала. Уворачивалась от фотоаппаратов, делала горестное лицо. К счастью, вскорости подоспели оперативники с Петровки и

отогнали прочь всполошенную телевизионную братию. Следом подъехали банковские работники, впереди летела О. Ф. с недокрашенным глазом и большим темным пятном на юбке – накладывала макияж и пила кофе, да так и подорвалась, поднятая тревогой, опрокидывая на себя все, что было под рукой.

Пока она ощупывала подчиненную на предмет повреждений, оперативники споро обсыпали обменник специальным порошком, сняли все отпечатки и опечатали помещение. Потом загнали случившихся на пути грабителя работников «Интуриста» в машины и повезли на Петровку – брать свидетельские показания и составлять фоторобот.

– Вся надежда на вас, – твердили они, – потому что, если это какой-нибудь залетный преступник, очень сложно будет его без фоторобота поймать. Поэтому мы сейчас разобьем вас на группы по два человека и будем составлять его портрет. А потом сверим полученные данные и придем к общему знаменателю.

До позднего вечера восемь групп очевидцев ограбления, напряженно восстанавливая в памяти цепь событий, нашептывали оперативникам приметы преступника. Сильно расстраивалась работница гостиничной химчистки – когда преступник пробежал мимо, она возилась с бельем, поэтому ничего, кроме топота ног, изобразить не могла.

На выходе у следователей получилось восемь диаметрально противоположных по внешности фотороботов. Настолько противоположных, что прийти к общему знаменателю не представлялось возможным. Попытка как-нибудь сблизить версии чуть не привела к мордобою: одни очевидцы утверждали, что это был высокий темноусый кавказец, другие – что гыкающий житель Ставрополя, а может, даже Украины, но обязательно голубоглазый и светлокудрый. Третьи были убеждены, что это был маленький тщедушный азиат, потому что характерный разрез глаз и вообще.

Единственное, в чем сошлись все свидетели ограбления, это пол грабителя. Но по одному только полу найти преступника очень сложно. Даже если у тебя под рукой восемь принципиально противоречащих друг другу его портретов.

Конечно же, дело заглохло.

Сергей Владимирович вскорости поправился и с триумфом вернулся на работу.

Интуристовское начальство подсуенилось и наконец-то вооружило охрану.

На этой почве в гостинице более не случилось никаких ограблений.

Зато хранить бутерброды теперь стало категорически негде.

Тревожная кнопка

Однажды в обменнике решили провести сигнализацию. Буквально сразу после памятного ограбления. Буквально по горячим следам. Спустя каких-то полгода.

Банковское начальство сделало над собой усилие и таки выделило энную сумму на безопасность своих кассиров. И в торжественной обстановке, чуть ли не под фанфары, вручило О. Ф. конверт с деньгами.

Закаленная в битвах с начальством О. Ф. тут же распечатала конверт, пересчитала деньги и подняла невероятный хай.

Либретто:

а) за такие гроши можно дать только бесплатное объявление в рекламной газете, и то на последней странице и неразборчивым шрифтом;

б) если начальство настолько уверено в своей калькуляции, то пусть само и подыскивает охранное агентство;

в) а она, О. Ф., умывает руки!

Банковское начальство какое-то время наблюдало, «как выплакивалась скрипка, без слов, без такта», [З - В. Маяковский, из стихотворения «Скрипка и немножко нервно».] а потом выставило О. Ф. за дверь, не забыв пнуть вслед распечатанным конвертом.

Расстояние от Петровки до Тверской разъяренная О. Ф. покрыла за рекордные пять минут. Ворвавшись в обменник, первым делом наорала на подчиненных.

– Урою всех на хуй, ясно? А не ясно, так можете быть свободны! Пиздуйте на все четыре стороны, тут вас никто не держит! – изрыгала она дым и пламя, всячески показывая, как сильно расстроена за своих девочек.

Девочки (Понаехавшая унд Добытчица Наташа) часто моргали и тревожно улыбались, но не прекращали обслуживать клиентов. Предупрежденные о диких московских нравах интуристы зигзагом подбегали к обменнику и, наспех разменяв деньги, тем же боевым зигзагом удалялись в номера. Вопли О. Ф. они стойко игнорировали, а на кассиров глядели, как на страдающих стокгольмским синдромом заложников.

Спустя какое-то время О. Ф. угомонилась, неистово поела хлеба и колбасы и, придя от этого в благостное расположение духа, зачитала вслух статью об урюпинской бабке, которая отваром зверобоя и заговорами вылечила мэру города стригущий лишай и косоглазие. Подстегнутая светлым примером бабки, О. Ф. окрылилась и принялась обзванивать охранные агентства.

Через три дня в обменник явились два молодых человека, приладили кругом какой-то подозрительно скворчащий провод, увенчали его странной конструкцией из деревянной панели с прибитым к ней обычным дверным звонком и поставили эту панель под ноги кассирам.

– Вы аккуратнее, а то заденете – тут же приедет группа быстрого реагирования. Ясно?

– Это что такое? – возмутилась Добытчица Наташа. – Это как понимать? Это и есть тревожная кнопка?

– Скажите спасибо, что за те гроши, которые вы нам платите, мы вообще согласились с вами работать! – оскорбились молодые люди.

В тот злосчастный день группа быстрого реагирования выезжала в «Интурист» аж четыре раза. В первый раз она скрутила гостиничную уборщицу, которая пылесосила ковровые покрытия в обменнике и нечаянно задела тревожную кнопку щеткой. Далее она нагрнула через две секунды после того, как Понаехавшая

уронила на кнопку степлер. А потом Наташа смахнула на тревожную конструкцию бутылку с питьевой водой, полезла ее поднимать, а когда вынырнула из-под стола, то в окошке ее уже поджидали три пары побелевших от бешенства глаз.

– В следующий раз пеняйте на себя, ясно? – ласково предупредила группа быстрого реагирования.

– Ясно, – пискнули кассирши.

Четвертый выезд группы быстрого реагирования случился аккурат в пересменку, когда Добытчица Наташа рассказывала Бедовой Люде о тревожной кнопке. На словах: «Вы только осторожнее с этой штукой» – Бедовая Люда уронила на кнопку инкассаторскую сумку.

– Бежим! – крикнула Добытчица Наташа и рванула в сторону станции метро «Охотный Ряд». Следом, на ходу натягивая куртку, летела Понаехавшая. Отбежав на безопасное расстояние, они с ужасом наблюдали, как в гостиницу врываются совершенно обезумевшие от ложных вызовов боевые командос.

Предупреждение: взбешенная ложными вызовами группа быстрого реагирования по опасности ничем не уступает залетному грабителю!

Настя

Однажды в обменнике работала девочка Настя, и была она такой необыкновенной красоты девочкой, что даже уличные фонари оборачивались ей вслед. Поэтому на работу Настя не красилась. Совсем. И одевалась черт-те как. Потому что если такую красоту еще и подчеркнуть да приодеть, то это вообще мировой катаклизм и амок на подступах к одному отдельно взятому обменнику.

Но однажды у Насти случился день рождения, и она, совершенно не подумавши, накрутила волосы в пышную прическу и надела платье с глубоким декольте. И в таком необдуманном виде явилась на работу.

Сначала Настю чуть не побили гостиничные жрицы любви. Потому что ни одна уважающая себя жрица не станет терпеть столь возмутительную красоту в ареале своего обитания.

Потом Настя в таком вызывающем виде – сверху ресницы, ниже – вырез до пупа, а далее ноги, ноги, ноги – нырнула в очередной пожаловавший в гостиницу высокогорный тейп и вынырнула оттуда в сопровождении кавалера Джамбулата.

– Женюсь! – выдохнул Джамбулат и галантно щелкнул желваками.

– Только этого не хватало, – покрылась мурашками Настя и припустила галопом к обменнику.

Кавалер неотступно следовал за ней.

– Никуда ты от меня не денешься! – периодически подбадривал он свою жертву.

– Мама! – прибавляла газу Настя. – Скажи ему, чтобы отстал от меня, – ворвавшись в обменник, потребовала от Понаехавшей именинница.

– Кому ему?

– Ему! – Настя поддела ногтем полоску жалюзи и показала на гарцующего в нетерпении абрека.

Понаехавшую чуть кондратий не хватил. В голове молнией пронеслись скудные знания о быте и обычаях народов Северного Кавказа. «Имам Шамиль и кровная месть» – вспомнила она и попыталась упасть в обморок.

– Ну чего ты боишься? – возмутилась Настя. – Он ведь тоже с гор!

– Да, но он как бы немного с других гор! И потом, он же не обычный человек! Он «крыша»!!!!

– Какая разница! Умоляю, скажи ему! Ну хоть что-нибудь скажи! – И Настя, вытолкнув Понаехавшую из обменника, захлопнула за ней дверь.

– Ассалам алейкум, – выдохнула Понаехавшая и предательски забежала глазами. На этом весь ее запас северокавказских слов иссяк.

– Алейкум ассалам, – оживился Джамбулат.

– Как там? В горах? Кхе-кхе (идиотский смех).

– Нормально, не жалуемся.

– Как мама? (Боже мой, что я несу?!)

– Спасибо, хорошо.

– Вам наша девушка понравилась. – Понаехавшая с напускной небрежностью повернулась к обменнику и оцепенела – из-под полоски жалюзи на нее глядели три пары вытаращенных глаз – Добытчицы Наташи, Гали и собственно виновницы торжества Насти.

Понаехавшая громко сглотнула.

– Наша девушка просила передать, что встречаться с вами не может. У нее муж. И любовник. Так что третьего мужика уже не потянет. – И, собрав губы в куриную жопку, она скорбно затрясла головой.

Джамбулат какое-то время молча изучал ее с ног до головы.

– Я смотрю, вы там все на голову ебанутые, – кивнул он в сторону обменника.

– Ага! – обрадовалась Понаехавшая.

– Ну так бы и сказала, – обиделся Джамбулат, повернулся на каблуках и ушел прочь, что-то невнятное бубня себе под нос.

– Как ты его отшила? – спросила Настя, когда Понаехавшая, уняв тремор в чреслах, вползла в обменник.

– Сказала, что у тебя муж и любовник. А третьего мужика ты не потянешь.

– Ты что? Совсем на голову ебанутая?

– А что мне оставалось делать?

С того дня Понаехавшую в обменнике ласково называли Дипломат Ебанько. Намекая на ее «выдающиеся» дипломатические способности загасить любое межнациональное недопонимание на корню.

Вывод: делай добро – бросай в воду. Точно не потонет (исковерканная армянская поговорка).

Глава пятая. Переезд

Через год скандалов, шантажа и других леденящих душу трепыханий О. Ф. таки добилась своего – банк совершил над собой очередное калькуляционное насилие и выделил некую сумму на новый, бронированный обменник.

– Ни в чем себе не отказывайте, – напутствовал банк.

О. Ф. рьяно взялась за дело. Но обзвон фирм, занимающихся оборудованием обменников, умерил ее пыл – выданных денег явно не хватало.

На требование увеличить субсидии банк ответил отказом и пригрозил увольнением всего строптивного обменникова коллектива. О. Ф. обматерила скупое начальство до седьмого колена и ринулась действовать в рамках строгой экономии.

В результате «Интурист» получил сокрушительное по монументальности помещение – новый обменник представлял собой железный, несколько облагороженный рельефными металлическими пластинами, наглухо спаянный контейнер. Если старый можно было проветрить методом отодвигания

фанерного потолка, то новый на такие уступки не шел. Зато мог похвастать незыблемой, как у гранитного постамента, монолитностью.

Единственные сантименты, которые позволило себе новое помещение, – это два смахивающих на бойницы узких окошка. Теперь, чтобы попросить у клиента паспорт, нужно было податься к нижнему краю бойницы и, вытаращившись, глядеть куда-то вверх. Окна были затянуты несколько затуманенным бронированным стеклом, поэтому отныне все клиенты были на одно лицо. И на один неопределенный пол.

Так как на специальную дверь средств не хватило, пришлось ограничиться обычной железной, которая с душедробительным лязгом распаивалась наружу и запиралась на ужасающих размеров амбарный ключ. Фактически, из всех требований Центрального банка о капитально встроенном помещении с обязательно бронированными окнами и дверью, вытяжкой, пожарной и охранной сигнализацией был выполнен только один пункт – бронированные окна.

И на том спасибо.

Дабы не пугать приезжий люд маргинальным видом обменника, его переставили ближе к выходу. Теперь он высился возле стойки такси и таращился своими мелкими близорукими глазками на другой борт ресепшн. Зимний сад с кафе «Осборн», любимым местом посиделок как постояльцев, так и гостей с улицы, остались далеко позади. Впрочем, отдаленность от зимнего сада девочек не расстраивала. В любое время года там роились совершенно отвязные комары, они залетали под передвинутый для проветривания потолок и ели поедом все живое на своем пути.

Новое место дислокации радовало глаз широким обзором – теперь девочки видели боковой уставленный двухместными диванчиками узкий коридор. Этот коридор облюбовали гостиничные жрицы любви. После амурных трудов они отдыхали на диванчиках и, покуривая, вели какие-то свои оживленные разговоры. Приводили туда клиентов, чтобы вдали от любопытных глаз торговаться с ними за каждый доллар. Как-то даже устроили шумную свару, с матом, визгом и меткими плевками. Подлетевшая охрана долго разнимала их, переругиваясь в рации. Далее по горячим следам примчалась сутенерша Вера и устроила выволочку всем. Жрицам любви – за безобразное поведение, а охране – за попорченный товарный вид (девочки были изрядно помяты, а у некоторых в процессе потасовки пострадали наряды).

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Хочу ее трахнуть (англ.).

2

Минутку (англ.).

3

В. Маяковский, из стихотворения «Скрипка и немножко нервно».

Купить: <https://tellnovel.com/narine-abgaryan/ponaehavshaya-kupit>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)